

Виктор Шнирельман

Hilary Pilkington, Elena Omel'chenko, and Al'bina Garifzianova. Russia's Skinheads: Exploring and Rethinking Subcultural Lives. London: Routledge, 2010. 285 p. ISBN 978-0-4156-3456-4.

Виктор Шнирельман. Адрес для переписки: Институт этнологии и антропологии РАН, Ленинский пр., 32а, Москва, 119991, Россия. shnirv@mail.ru.

В книге «Российские скинхеды» представлены результаты исследований группы скинхедов, проведенных в Воркуте сначала в течение нескольких недель в 2002–2003 годах, а затем в октябре–ноябре 2006 и в сентябре–октябре 2007 года (что дало возможность проследить индивидуальную и групповую динамику). Значительная часть книги была написана Хилари Пилкингтон (семь из двенадцати глав), остальные – ее российскими коллегами Еленой Омельченко (три главы) и Альбиной Гарифзяновой (две главы). Однако именно последняя провела основную полевую работу, то есть прожила некоторое время в Воркуте, тесно общаясь с членами группы и записывая свои наблюдения, а также взяла интервью у десятка местных скинхедов.

Авторы предприняли редкую попытку понять субкультуру скинхедов изнутри, увидеть ее глазами самих носителей. Но не только и не столько субкультуру. Пилкингтон критикует российских ученых за стремление свести скин-движение к субкультуре и отказ увидеть в нем политическую организацию (с. 9). Правда, в конечном итоге она и сама соглашается с тем, что скинхеды не вписываются ни в одну из радикальных партий, а следовательно их невозможно связать ни с какой общественной или политической организацией (с. 101, 112–115).

На взгляд Пилкингтон, сведение феномена скинхедов к субкультуре не позволяет осознать его теоретически, тем более, что понятие «субкультура» требует сегодня пересмотра (если не отказываться от него вовсе). К заслугам авторов можно отнести понимание условности феномена «субкультуры», не имеющей четких границ и не обладающей постоянством, ибо повседневная жизнь подростков, разумеется, не сводится к ней одной (с. 9–12). Вместе с тем, такой подход лишь продолжает начатый культурными антропологами более четверти века назад пересмотр прежнего понимания категории культуры, свойственного эпохе модерна.

Учитывая эти факторы и признавая влияние глобализации на культуру, Пилкингтон отмечает, что это, тем не менее, не отменяет огромного значения времени и места, в которых находятся объекты исследования (с. 25–26). Поэтому внимание исследователей было направлено не на визуальный стиль группы, а на ее сущность, под которой понимались культурные практики, причем прежде всего коммуникативные (то, что авторы вслед за своими информантами называют «приколами»). Другое важное замечание Пилкингтон касается поведения скинхедов: на ее взгляд, оно не является «девиантным», а лишь несколько раздвигает рамки настроений и практик, разделяемых обществом (с. 12–13).

Проблема усложняется еще и тем, что, занимаясь сходными практиками, подростки из разных социальных слоев руководствуются при этом разными мотивами. Кроме того, они «расширяют границы» в разной степени: если одним хватает «стиля» и праворадикальной музыки, то другие готовы идти на преступления и убийства, причем с возрастом эти установки меняются. Нельзя сказать, чтобы российские специалисты не обращали на все это внимания (Шнирельман [2007] 2010:22–23, 30, 40, 43–44; 2011:352–356, 366). Остается неразрешенным также вопрос о том, как «коммуникативные практики» соотносятся с реальным поведением, в особенности, если речь идет о таких практиках («приколах») в общении с человеком, далеким от исследуемой среды. Ведь, во-первых, человек далеко не всегда готов воплотить в жизнь то, что он озвучивает в своих высказываниях, а во-вторых, разговор с чужаком может включать иронию, провокацию, сознательные выдумки в целях выяснить его реакцию и, тем самым, лучше понять, с кем приходится иметь дело.

Сколь бы ни была разработана методика полевого исследования, возможность изучения действующих неонацистских и расистских групп остается проблемой. Можно ли (и, если можно, то при каких условиях) установить доверительный контакт с такими группами или их лидерами, насколько они готовы разговаривать с исследователем, а если готовы, то будет ли беседа искренней, станут ли они открывать ему свою душу, поделятся ли информацией о своих истинных взглядах и своей преступной деятельности или, напротив, постараются ввести в заблуждение и попытаются манипулировать собеседником, тем более если тот принадлежит к противоположному полу? Ведь как признался один из информантов, «я за это время научился четко следить за тем, что говорю, чтобы не сказать лишнего, контролирую себя». Подчеркивался и гендерный момент: по словам информанта, мужчина-исследователь мог бы узнать гораздо больше, чем проводившие исследование женщины (с. 192, 198). Причем лидер группы внимательно следил за тем, чтобы и другие не сказали ничего лишнего. Ведь в то время, когда проводилось исследование, уже начались массовые аресты скинхедов. Поэтому и исследовательницы, придерживаясь этического кодекса, по-видимому, не могут поделиться с читателем всеми сведениями, которыми они располагают (с. 65–67). Во всяком случае, число зафиксированных ими нападений (с. 124–125) много меньше, чем можно было бы ожидать, исходя из настроений, царящих в группе. Так же вряд ли можно полностью доверять скинхедам, рассуждающим о «кодексе чести», якобы не позволяющем им грабить своих жертв. Имеющиеся сегодня данные других исследований заставляют в этом сомневаться. Наконец, уже то, что лидер группы Андрей свысока разговаривал с женщиной-исследовательницей (с. 182–183), позволяет поставить под сомнение его искренность. Остается только пожалеть, что в исследовании не участвовали мужчины, которые могли бы проверить слова информантов.

Понимая все это, Пилкингтон задается вопросом о том, как исследователь может быть принят группой, которая сама себя считает «неприемлемой», и как следует публиковать полученные данные, с одной стороны, избегая упреков в трансляции ксенофобских взглядов, а с другой, отвечая ожиданиям своих информантов, не желающих быть изображенными в негативном свете (с. 20–21).

В этих условиях легко заняться апологией своих собеседников (об этом см.: Шнирельман 2013) и, что хуже, стать рупором их идей. Ведь известно, как в свое время американский неонацист Дэвид Дюк, искусно манипулируя журналистами, получал доступ к СМИ для пропаганды своих взглядов (Bridges 1994:45–47). Для изучения дискриминации журналисты прибегали в прошлом к смене своего облика – некоторые медицинским путем на время меняли цвет кожи и вели образ жизни чернокожих (Bonazzi 1997; Griffin 1961; Halsell 1969; Walraff 1986), известен случай, когда исследователь выдавал себя за палестинца (Binur 1989). Это помогло им собрать уникальные данные о дискриминационных практиках. Однако нынешняя этика этнографических работ не позволяет скрывать от людей свои профессиональные цели и задачи и, по сути, затрудняет возможность проведения квалифицированного исследования. Впрочем, Альбине Гарифзяновой и Елене Омельченко не пришлось менять облик для того, чтобы испытать на себе действие ксенофобии (с. 203–204, 216–217; Гарифзянова 2008:38–39; Омельченко 2008:89). И в этом их опыт оказался действительно столь же уникальным. В то же время остается открытым вопрос о том, можно ли в таких условиях проводить абсолютно «беспристрастное» исследование. Правда, здесь уместно вспомнить, что и Бронислав Малиновский, работая на Тробрианских островах, испытывал сильнейшие эмоциональные стрессы.

Пытаясь понять своих информантов, авторы интересовались не только их жизнью в группе, но и особенностями их жизни вне этой группы – взаимоотношениями с родителями, работой. Они обнаружили, что подростки рано оказывались наедине с собой без родительской заботы, что впервые они познакомились с ксенофобскими чувствами из разговоров взрослых или прочитанной литературы, что одной из причин таких чувств было резкое ухудшение условий жизни бывшего советского среднего класса, что улица давала подросткам возможность самоутвердиться. Впрочем, все это уже отмечалось в литературе. Однако авторы заметили и другое – место работы и социальный статус вовсе не предопределяли путь в скинхеды, решающим фактором оказывался опыт повседневности, готовность поддержать друзей и разделить с ними их увлечения (с. 59, 78–79). Вывод о том, что вхождение в мир скинхедов определялось скорее дружескими связями, чем какими-либо идейными установками, мне представляется одним из важнейших итогов исследования.

Во время второго этапа обследования (2006–2007 годы) скин-движение, во-первых, было на взлете, двигалось к пику своей популярности, во-вторых, быстро распространялось из центра в провинцию, приобретая при этом свои новые формы (Тарасов 2006), в-третьих, насильственные действия скинхедов достигли кульминации и, наконец, в-четвертых, их деятельностью всерьез занялись правоохранительные органы, в это время шли аресты наиболее одиозных активистов скин-движения (Шнирельман [2007] 2010:124–142). Тем не менее в Воркуте исследовательницам удалось тогда выявить не более десятка активных скинхедов, которые перестали заниматься уличными нападениями, хотя и сохраняли свои расистские взгляды (к 2009 году группа вовсе перестала существовать). В этом можно было бы усмотреть симптом спада движения, однако такое заключение расхо-

дится с тем, что более половины опрошенных в Воркуте школьников говорили о высокой активности скинхедов (с. 19–20), и, соответственно, возникает вопрос: насколько удачным объектом для описания движения были молодые люди, отошедшие от него?

Надо заметить, что перед нами достаточно типичная для скин-группы история, которая никогда не бывает длинной. Авторы познакомились со своими героями, когда те были подростками и активно участвовали в движении. В период второго обследования их информанты уже вышли из подросткового возраста, у них появились новые интересы и новые заботы, и поэтому вовсе не случаен их постепенный отход от движения, с которым через пару лет они полностью порвали. Ведь и тогда они уже вспоминали свои «уличные подвиги» как «детство». Однако увлеченные конкретными эпизодами из жизни своих героев, авторы, похоже, этой особенности не заметили. Иными словами, авторы наблюдали не закат движения в целом, а закономерную стадию распада одной из его групп. Кроме того, они застали движение в той его стадии, когда некоторые лидеры стали задумываться о переориентации борьбы с нападений на «инородцев» на выступления против государства (с. 118, ср.: Шнирельман [2007] 2010:146–152). Кроме того, отказ скинхедов от прежней вызывающей атрибутики был вызван вовсе не тем, что приоритет у них получили более глубокие чувства, и не тем, что они стали старше (с. 152–153), а стремлением не попадаться на глаза милиции, начавшей охоту на них (это подтверждают и сами информанты (с. 155–156)). Все это и следовало четко обозначить в книге, которую можно было бы назвать «Growing Up among Skinheads».

«Камерность» полученных данных ставит вопрос об их репрезентативности. Ведь в книге, озаглавленной «Российские скинхеды», речь идет даже не о скинхедах Воркуты в целом, а об их небольшой группе. Даже внутри этой группы авторы обнаружили вариативность праворадикальных взглядов, а при работе с более репрезентативной выборкой этот разброс оказывается еще больше (Шнирельман [2007] 2010:76–87). В идеологии скинхедов странным образом сочетаются идеи биологического и культурного расизма, арийства и евразийства, нацизма и имперства. В то же время мне трудно согласиться с попыткой Пилкингтон сблизить данную группу с взглядами ранних евразийцев или с идеями Дугина (с. 119). Евразийцы в целом были далеки от расизма (Шнирельман 1996), а Дугин, несмотря на свою увлеченность «левым нацизмом», понимает расы скорее в эзотерическом, чем в биологическом плане. Что же касается идеи этнически чистого русского государства, то, несмотря на всю ее утопичность, она в последние годы получила в праворадикальной среде некоторую популярность. Не следовало бы абсолютизировать «Азбуку славянских скинхедов» (с. 61), ибо на практике ее инструкции нарушаются. Так, если она и требовала воздержания от алкоголя и наркотиков, то в данной группе таких норм не придерживались (с. 87–93). Мало того, как показано в книге, прагматика у скинхедов порой пересиливает идеологию, и они идут на сделку с властями (с. 114).

Пилкингтон справедливо находит источники расистских идей не только на Западе, но и в самой России – праворадикальное музыкальное и художественное

творчество (от песен и стихов до художественных романов и славянского фэнтези). Значимую роль в этом играет Интернет, но не меньше – ксенофобские материалы российских журналистов, нередко транслирующиеся федеральными СМИ (Шнирельман 2007). Все это и позволяет скинхедам оставаться прежде всего «в российской реальности» (с. 108–111). Относительно продолжительные периоды полевого исследования, включавшие не только разговоры, но и наблюдения за поведением информантов, повышают степень надежности полученных данных. Меня в особенности убеждает пример, говорящий о стремлении лидера поддерживать иерархию в группе. По наблюдениям Омельченко, он выказывал недовольство, когда исследовательницы опрашивали других членов группы. Ведь считая себя носителем «сакральных знаний», он полагал, что ничего ценного те сказать не могли (с. 64, 197–198). Парень не притворялся, ибо именно так и должен был вести себя «вождь», в чем я убедился, проводя полевые исследования у индейцев-тлингитов на Аляске.

В свое время Александр Тарасов критиковал меня за то, что я отмечал склонность скинхедов к язычеству (Тарасов 2007). Поэтому мне было интересно узнать, что некоторые члены изученной группы, включая ее лидера Андрея, симпатизировали язычеству (с. 116–117, 127–128, 160, рис. 7.7). Отмечу также попутно, что в московских «Русских маршах» в ноябре 2012 и ноябре 2013 годов язычники принимали активное участие.

Глубокое изучение российского скин-движения было в недавние годы актуальным, поскольку в 1990-е годы западные радикалы и расисты сделали ставку на Россию, ожидая, что там в начале XXI века установится фашистский режим. Однако этого не случилось, и после 2008 года ослабленное массовыми арестами скин-движение пошло на спад. Поэтому обсуждение вопроса о его реальном месте в праворадикальной среде (с. 100–102) имеет сегодня лишь историческое значение. В 2010 году была запрещена деятельность «Национал-социалистического общества» (НСО), «Армии воли народа» и «Славянского союза», в 2011 году – «Движения против нелегальной иммиграции» (ДПНИ) и «Русского общенационального союза», а в 2012 году запрет распространился на международную организацию скинхедов «Кровь и честь». В эти же годы были разгромлены несколько банд скинхедов в ряде провинциальных городов («Белые волки» и «Команда белых инквизиторов» в Рязани, «Белый легион» в Ставрополе, «Скинхеды» в Тюмени, «Фолькштурм» в Екатеринбурге, «Челябинский союз» в Челябинске, «Пит Буль» в Краснодаре, «РДР-14» в Магнитогорске, «Белый легион» и «ОБ-418» в Нижнем Новгороде и т.д.). Понеся ощутимые потери, скин-движение потеряло былую привлекательность. Правда, это не отменяет того факта, что праворадикальные идеологии и сегодня популярны у части российской молодежи. Но теперь они имеют иное выражение и иные организационные формы.

К сожалению, в книге совсем не затрагивается роль государственной политики (программа воспитания патриотизма), охота милиции за «этнической преступностью», поддержка государством гомофобских настроений – ведь все это вдохновляет праворадикальную молодежь. Говорится лишь о политике развития

спорта, что в данном случае показывает, как этим искусно пользуются радикальные группы (с. 77, 85–87).

За кадром осталось и многое другое. Например, если, по мнению информантов, скинхед должен быть «умным», в частности, «знать историю» (с. 225), то, как это следует трактовать, о какого рода знаниях идет речь, что понимается под «историей»? Какие именно книги они читают, кроме тех немногих, которые упомянуты авторами? Что для них означает патриотизм? Как он соотносится с приверженностью расизму, притом, что они не считают себя «националистами»? Как они понимают «белую расу», как устанавливают ее границы, и почему, например, не готовы включать в нее татар? Какую именно страну они готовы защищать, если Россия поликультурна, полиэтнична и поликонфессиональна? Если они отвергают христианство, как они относятся к тому, что многие русские причисляют себя к православным? Считают ли они их «русскими» и относят ли их к «белой расе»? Если они связывают «расу/этнос» с профессией, как они относятся к русским чиновникам или бизнесменам? Считают ли они их «русскими»? Наконец, я бы не переводил термин «род» как «гэсе», так как он имеет много смыслов – «клан», «народ», «этническая группа», «люди, связанные одним языком и культурой». А как этот термин понимают сами скинхеды?

Обсуждая исторические корни мужской солидарности, лучше было опираться не на устаревшие работы Ганса Блюхера (с. 167), а на этнографические исследования мужских союзов, возрастных классов и взаимоотношений дяди и племянника в целом ряде племенных обществ, о чем сегодня имеется большая литература. Что же касается стремления не допустить связей «своих девушек» с «чужаками» (с. 181), то речь идет не только о недопустимости «смешения крови», а о символической защите как географического, так и биологического пространства нации от «вторжения», «унижения» и «поражения», что тесно связано с органицистским пониманием нации. По той же причине в традиционных условиях победители часто насильовали женщин побежденной стороны, демонстрируя тем самым свое превосходство.

В результате своего исследования авторы обнаружили «сложность» личности скинхеда в отношении идентичности, мотиваций, кругозора, взгляда на мир (с. 234). Однако то же самое касается любой личности, включая этническую, гендерную, религиозную, культурную и иную идентичность. Возможно, это было не столь очевидно социологам, но этнографы постоянно с этим встречаются.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гарифзянова, Альбина. 2008. «Позиция антрополога при исследовании проблем ксенофобии». *Антропологический форум* 8:36–42.
- Омельченко, Елена. 2008. «Позиция антрополога при исследовании проблем ксенофобии». *Антропологический форум* 8:82–91.
- Тарасов, Александр. 2006. «Меняющиеся субкультуры: опыт наблюдения за скинхедами». *Свободная мысль* 5:19–32.
- Тарасов, Александр. 2007. «О бритоголовой опасности» (Рецензия на книгу В.А. Шнирельмана «“Чистильщики московских улиц”: скинхеды, СМИ и общественное мнение»). *Литературная газета*, 8–14 августа, с. 13.
- Шнирельман, Виктор. 1996. «Евразийцы и евреи». *Вестник Еврейского университета в Москве* 11:4–45.

- Шнирельман, Виктор. 2007. «СМИ, “этническая преступность” и мигрантофобия». С. 107–149 в *Язык вражды против общества*, под ред. Александра Верховского. М.: Информационно-аналитический центр «Сова».
- Шнирельман, Виктор. [2007] 2010. *«Чистильщики московских улиц»: скинхеды, СМИ и общественное мнение*. М.: Academia.
- Шнирельман, Виктор. 2011. *«Порог толерантности»: Идеология и практика нового расизма*. Т. 2. М.: Новое литературное обозрение.
- Шнирельман, Виктор. 2013. «Рецензия на книгу: Р.В. Шиженский. “Философия доброй силы: Жизнь и творчество Доброслава (А. А. Добровольского)”». *Этнографическое обозрение* 5:179–183.
- Binur, Yoram. 1989. *My Enemy, My Self*. New York: Doubleday.
- Bonazzi, Robert. 1997. *The Man in the Mirror: John Howard Griffin and the Story of Black Like Me*. Maryknoll, NY: Orbis Books.
- Bridges, Tyler. 1994. *The Rise of David Duke*. Jackson: University Press of Mississippi.
- Griffin, John Howard. 1961. *Black Like Me*. Boston: Houghton Mifflin.
- Halsell, Grace. 1969. *Soul Sister*. New York: World Publishing Co.
- Walraff, Günter. 1986. *The Lowest of the Low*. London: Pluto Press.